

Азбука
Кавы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ана Эл

Ана Эм

Это был конец Августа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581974

SelfPub; 2023

Аннотация

Что такое любовь – чувство или выбор? Для Эммы Аллегро любовь всегда была чувством. Бабочками в животе и фейерверками. А Тристан Ревиль – всего лишь друг, рядом с которым не появлялось ни то, ни другое. Они вообще две противоположности с разными взглядами на абсолютно все. Их отношения невозможны. Так ведь?

Содержание

Благодарности	4
От автора	7
Пролог	8
1	10
2	32
3	60
4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ана Эм

Это был конец Августа

Благодарности

Я поистине счастливый человек.

Просто потому что у меня есть силы и возможности творить. Поэтому в самом начале хочу сказать спасибо себе. Знаю, так не делается. Но мне в общем-то все равно. Моя книга. Мои правила.

А теперь о важном. О людях. Порядок здесь не имеет значения. Была бы моя воля, я бы просто записала всех в небольшой кружочек, а не список. И тем не менее, начну я с той, кто с самого моего рождения рядом – с моей сестры.

Спасибо тебе за то, что подсвечиваешь мои недостатки и честно критикуешь, когда это необходимо. Но больше всего спасибо за то, что поддерживаешь громче всех. Всегда. И не смотря ни на что.

Катерина, моя близкая подруга, тебе спасибо за то, что привела меня в мир книг. Если бы не ты, я бы до сих пор читала по одной книге в год и считала классическую литературу единственной достойной моего внимания.

Кристина Сергеевна, моя подруга, наставница и мощнейший пинок под задницу. Уверена, нас свела судьба, не иначе.

Потому что только смотря на тебя, я нашла в себе силы открыться этому миру. Благодаря тебе, об этой книге уже знают многие. Так что спасибо тебе за то, что веришь в меня.

Луиза, моя подруга, мой дом. Дом, в том смысле, что с тобой моя голова всегда отдыхает. Во многом ты помогла мне разглядеть этот мир под разными углами. Знаю, ты скорее всего никогда это не прочитаешь, потому что не любишь читать в принципе, но спасибо тебе за тебя.

Аня и Люся. Две сестры. Две мои подруги. Спасибо вам за безусловную веру и поддержку, когда я начинаю в себе сомневаться. Ань, я буду продолжать читать тебе вслух на кухне. Надеюсь, ты не против. Люсь, спасибо тебе за твою искренность и тепло.

Ника и Настя, две мои подруги, которые читают современные романы, только потому что я прошу их прочитать мои черновики. Я всегда с замиранием сердца жду ваши отзывы, потому что ваши умы способны проглотить Достоевского и Маргарет Митчелл, не поперхнувшись. Признаюсь, мое эго всегда ликует, когда вам нравится читать мою писанину. Так что мы с ним говорим вам огромное спасибо.

Спасибо вам всем, мои друзья, за то, что первыми читаете мои сырые черновики и толкаете меня вперед. Без вас всех я бы вряд ли смогла продолжать.

Спасибо Книжному Клубу и всем девчонкам, которые вызываются читать мои рукописи, дают отзывы и помогают делать наше сообщество уютным местом.

И напоследок, спасибо моим родителям. Я та, кто я есть, благодаря вам. Вы дали мне такую жизнь, где у меня всегда было место для творчества. У меня было все для того, чтобы не думать о завтрашнем дне. Есть все, для того, чтобы самостоятельно стоять на своих двоих. И будет еще больше.

Спасибо тебе, читатель, за то, что открыл эти страницы. Я писательница только потому что ты читаешь.

Обнимаю всех. Крепко-крепко.

От автора

Эта книга вполне может существовать самостоятельно. Но все же она является небольшим пояснением «Очевидного выбора». Поэтому если хочешь лучше узнать героев, советую для начала прочитать «Очевидный выбор».

«Это был конец Августа» родилась спонтанно, так что вот небольшое пояснение – события здесь происходят за год до концовки «Очевидного выбора».

Это я к тому, что если не хочешь жирный спойлер, будь другом, прочти первую книгу.

Надеюсь, тебе понравится. Но даже если и нет, все равно напиши мне и поделись впечатлениями, я буду рада пообщаться.

Моя почта для связи: ana.m.writer@yandex.ru

Посвящается всем, кто ищет свою любовь и не совсем знает, что это такое...

Пролог

Существуют разные Вселенные.

В одной из них ты любишь брокколи, а я слушаю джаз.

В другой я всегда выхожу гулять под дождь, а ты прячешься под одеялом.

Где-то мы никогда не встречались.

А в какой-то параллели мы сильно ссоримся при каждой встрече.

Столько самых разных вероятностей. Я верю, что все они вполне реальны и существуют где-то на границе миров. В складках между временем и пространством. Миллионы событий, которые повторяются или никогда не происходят.

Мне нравится думать о том, что если сменить направление, дорога может круто повернуть. Нравится чувствовать силу решения. Нравится знать, что все маленькие события, каждый поворот привели меня к тебе. Потому что не имеет значения, сколько всего разных Вселенных. Я не сомневаюсь в том, что не существует такой, где бы мы не полюбили друг друга.

И это не потому что мы созданы друг для друга. Вовсе нет. Ведь у меня взрывной характер, а ты не любишь одиночество. Мы разные полюса, но одного мира.

Понимаешь, о чем я?

Мы не магниты, не стороны одной медали. Мы просто су-

существуем как части одного целого, которое скреплено чем-то невидимым, неосязаемым. Любовь слишком простое слово для описание этой связи. Оно безвкусное и на каждом языке звучит по-разному.

Это нечто иное.

Глубокое.

Всепоглощающее.

Как сама Вселенная.

Я знаю, что мы могли бы существовать друг без друга. Знаю, что в наших легких достаточно кислорода, чтобы дышать самостоятельно. Мы не зависим. Не сводим друг друга с ума. Мы просто делаем выбор, который когда-то казался нам не таким очевидным.

Прошлое

Италия. Рим

Волосы прилипают к затылку. Убираю их назад, продолжая улыбаться. Папа говорит тост, широко размахивая руками. Говорит громко и быстро. Он счастлив. Его зеленые, как мои, глаза светятся. Я вижу это через весь стол. Воздух наполнен итальянской речью, дымом табака, шумом улиц и вечерним возбуждением. Мы поднимаем бокалы и чокаемся. Нам и правда есть, что отметить. Еще одно успешное открытие ресторана. Папа лучший в Италии. Лучший в своем деле. Хотелось бы и мне быть лучшей в чем-то.

Делаю глоток вина и достаю из сумочки пачку сигарет.

– Они всегда такие громкие? – раздается шепот у моего уха, и я на секунду замираю, но только от запаха. Тристан Ревиль пахнет летом. Что-то цитрусовое. На улице душно, но его запах будто наполняет тебя свежестью.

– Итальянцы. – пожимаю я плечами и улыбаюсь. Парень усмехается и откидывается на спинку стула рядом со мной. Наши плечи почти соприкасаются, и я чувствую жар, исходящий от его тел.

Закуриваю сигарету.

– Ты ведь тоже итальянка? – спрашивает он.

Выпускаю струюку дыма и поднимаю на него глаза.

– Только наполовину.

Он привлекательный мужчина. Это заметно сразу. Весь женский коллектив это заметил, стоило Тристану переступить порог отцовского ресторана месяц назад.

– Моя мама была американкой. – говорю я.

Его синие глаза наполняются грустью и чем-то, очень похожим на сожаление.

Чтобы избежать неловкости, поясняю.

– Мне было четырнадцать, когда ее не стало.

– Мне жаль. – тут же отвечает он, не сводя с меня глаз. У него очень глубокий взгляд. Сложно объяснить. Не знаю. Он всегда смотрит так, будто знает тебя. – Моя умерла несколько лет назад.

Теперь ясно откуда взялась грусть. Ему знакомо это чувство. Пустота.

– Соболезную. – сбрасываю пепел и отвожу взгляд. Мы говорим на английском. У него легкий приятный акцент. Я почти уверена, что не хочу слышать его французский. Знаю, что мне понравится.

Вдыхаю никотин и выпускаю дым. Чувствую его взгляд на себе, но не отвечаю взаимностью. Ответить – значит начать новую историю. А с меня достаточно историй. Одна из них снова вибрирует в телефоне.

Знаю, что это *он*. Переворачиваю смартфон экраном вверх и убеждаюсь в своей правоте. Сбрасываю вызов вместе с пеплом. Блокирую его номер парой кликов и снова опускаю телефон экраном вниз.

Тристан заметил. Конечно, заметил. Последний час прошлое пыталось вернуться слишком много раз. Шесть, если быть точнее. Я нашла смелость оборвать связь только спустя три бокала вина.

Тушу сигарету. Разговоры продолжают скользить по коже вместе с мурашками от запаха мужчины рядом со мной. Наверное, я должна сейчас страдать? Или хотя бы что-то испытывать. Но кроме вина и табака на языке ничего не чувствую. Полный штиль. Еще один год прошел мимо. Даже не знаю, какой урок должна извлечь. Не влюбляться в мудаков? Но как отличить мудака от принца? Да и нужен ли мне принц? А может, король? Или просто рыбак? Точно не один из поваров моего отца. Точно не мужчина с запахом лета. Точно не тот, кто вернется в Париж через несколько месяцев. Определенно нет.

За столом раздается звонкий смех. Не понимаю шутки. Пропустила мимо ушей. Мой взгляд рефлекторно поднимается к Тристану. Вопрос в его глазах заставляет мои губы растянуться в улыбке. Он тоже ничего не понял. Плохо дело. Теперь нас двоих что-то объединяет – невнимательность. Мы не должны смотреть друг на друга так, словно понимаем без слов, будто между нами есть секрет. Но мы смотрим. И

внутри меня все тот же штиль. Ни бури, ни вихря, ни бабочек.

– Не хочешь прогуляться? – вдруг предлагает он.

В тоне голоса нет намека, в глазах нет подтекста. Простое предложение. Оно безопасное. По крайней мере ощущается таковым. Поэтому я соглашаюсь. Собираю вещи в сумочку, прощаюсь с отцом, его друзьями и другими поварами. Никто нас не останавливает. Все слишком пьяны, чтобы вообще об этом беспокоиться. Опять же. Кажется, только мы вдвоем выпили недостаточно, чтобы обращать внимание на шутки или поддерживать разговор. Чистая случайность. Это я говорю себе, когда мы выходим на душные улицы Рима.

Случайность.

От чего-то мне хочется запомнить этот момент. Я вглядываюсь в прохожих, прислушиваюсь к шуму дороги. Наверное, вино сделало меня податливой, спокойной. Мне даже плевать на то, как я выгляжу после многочасовой смены.

Поднимаю взгляд на своего спутника и замечаю то же спокойствие. Мы идем совсем рядом. И это кажется странным только потому что наш разговор за столом был чуть ли не единственным за этот месяц. Я почти ничего не знаю об этом мужчине. Только его запах. И синие глаза. Пользуюсь случаем и рассматриваю его.

Черные, немного выющиеся волосы, легкая щетина, широкие плечи. Ему идут рубашки. Такие свободные, льняные, как сейчас на нем. Еще я знаю, что эти руки с венами на

предплечьях невероятно талантливые. Тристан Ревияль один из тех поваров, которые могут определить все ингредиенты блюда с закрытыми глазами. На кухне он как рыба в воде. Нож – продолжение его руки. Даже самые простые вещи он превращает в произведения искусства. Но почему он здесь? В Риме?

– Почему ты работаешь на моего отца? – вопрос срывается с моих губ прежде, чем я понимаю, что произнесла его вслух.

Его брови сходятся на переносице. В уголках глаз появляются морщинки, когда он слегка улыбается.

– Твой отец лучший шеф в Италии.

– Знаю. – мы сворачиваем на узкую, почти безлюдную улицу. – Но я видела тебя на кухне. Твои способности если не лучше, то по крайней мере не уступают отцу. Ты вполне мог бы стать шефом и открыть свой ресторан.

Он опускает взгляд, улыбка становится шире.

– И я открою. Однажды.

– Почему не сейчас?

Из его легких вырывается приятный хриплый смех.

– А ты прямолинейна.

На самом деле нет. Но с ним мои тормоза почему-то не работают. А должны бы. Он практически мой начальник. Но очевидно когда ты дочь шефа – можно быть свободнее с его подчиненными. Не знаю, откуда это берется. Обычно я себя так не веду. Не лезу в чужую личную жизнь.

– Думаю, нет предела совершенству. – продолжает он. –

Итальянская кухня имеет свои тонкости. Хочу изучить все досконально, прежде чем открыть что-то свое.

– Значит, планируешь открыть итальянский ресторан?

– Нет.

– Тогда, зачем ты...

Он вдруг резко останавливается и смотрит на меня, склонив голову набок. Взгляд скользит по моему лицу, шее и спускается ниже. Смотрит так, будто пытается разобраться. Ни намек на что-то романтическое. Совсем. На этот раз я смотрю в ответ. Складываю руки на груди и вопросительно вскидываю бровь. Жду. А он копирует мою позу и начинает стучать указательным пальцем по губам, явно сдерживая улыбку. Мои глаза так и прилипают к его рту.

– Почему ты раньше не спрашивала? Мы почти месяц проработали вместе, и ты только сейчас интересуешься.

Я поджимаю губы, задумавшись. Другие задавали ему много разных вопросов. Например, однажды я услышала, что он много путешествует. Последние несколько лет не задерживается на одном месте дольше, чем на пару месяцев. Еще он холост.

Вопросы не заканчиваются и по сей день. Неудивительно – отец редко принимает чужаков на своей кухне. Всем любопытно, кто такой Тристан Реваль. Я одна редко интересуюсь теми, кто не интересуется мной. Зачем тратить время, правильно?

– Вино. – выпаливаю первое, что приходит на ум. Он

широко улыбается, убирает руки в карманы брюк и делает шаг ко мне. Не сдерживаю свою улыбку. – И я предпочитаю оставлять личное *за* пределами кухни.

– Значит, это, – он указывает на скудное пространство между нами. – личное?

Пожимаю плечами.

– Ну, мы ведь не на кухне.

Его взгляд заметно теплеет. Желтый свет фонаря за ним заливают нас светом так, что я замечаю зеленые крапинки в синеве его глаз.

– Так и знал, что ты далеко не тихоня.

Тихоня? Такое впечатление я на него произвела?

Из меня вырывается неприличный смех, и я рефлекторно прикрываю рот рукой.

– Рад, что не ошибся. – добавляет он.

Усмехаюсь, качая головой.

– Так зачем ты здесь? – возвращаю нас к предидущей теме.

Тристан вздыхает и продолжает идти вверх по улице. Я нагоняю его за пару шагов.

– Мне интересно то, как твой отец управляет кухней, понимаешь? Вы все как семья там.

– Это потому что половина и правда семья.

Он удивленно вскидывает брови.

Я улыбаюсь.

– Родственники родственников. Друзья друзей. Кого-то я

знаю всю свою жизнь. Отчасти поэтому всех так привлекает твоя персона. Папа не нанимает чужаков. А ты даже не итальянец.

– Звучит как-то..., – пытается подобрать слово.

– Это называется дискриминацией по национальному признаку. – помогаю я.

Тристан прочищает горло, скрывая улыбку.

– Так кажется со стороны, да. – поднимаю взгляд к небу, вдыхая терпкий аромат раскаленных улиц. Я люблю этот город, но в последнее время мне здесь тяжело дышать. – Но на самом деле для папы просто важна семья. А под семьей он подразумевает всех, кто дорог его сердцу.

– Но у него целая сеть ресторанов, – его брови сходятся на переносице. – неужели все работники и в других местах как-то связаны между собой?

Я многозначительно киваю.

– Только у моего папы семеро братьев и сестер.

Он присвистывает.

– Это...

– Дико?

– Необычно.

Для кого-то да. Но для меня это норма. Я выросла, зная, что есть те, кто всегда прикроют спину. Выросла в безопасности и любви. Стараюсь ценить это. Правда. Но в последнее время все чаще ловлю себя на грубости. В ответ на простой вопрос о моей жизни я раздражаюсь. Хочу затеряться в го-

роде, хочу быть незнакомкой, но не могу. Все вокруг знают о моем прошлом, строят ожидания о будущем.

Сейчас я учусь, мне нравится то, чем я занимаюсь, но кажется, будто кто-то уже давно построил мою жизнь за меня. Так и должно быть? Или я чего-то не понимаю? Мне радоваться из-за того, что не придется делать выбор или бить тревогу?

Какое-то время мы идем в тишине. Воздух прилипает к коже. Я вдруг понимаю, что мы двигаемся в сторону моего дома.

Может стоит забыться? Быть спонтанной? Пригласить Тристана к себе и будь, что будет? У меня был дерьмовый день. А он привлекательный. Я почти уверена, что и в постели он будет таким же, как и на кухне. Уверенным. Знающим, что и как делать.

Но нужны ли мне эти сложности? Смогу ли я провести с мужчиной одну ночь без обязательств?

– А что насчет тебя? – вдруг спрашивает он.

– Что? – хлопаю глазами.

– Чем планируешь заниматься дальше? Станешь шефом?

– Нет. – резко отрезаю я, затем делаю глубокий вдох и прочищаю горло.

– В смысле, – складываю руки на груди. – У меня нет таких амбиций. Мне просто нравится готовить.

Последняя фраза получается какой-то совсем тихой, будто я только что призналась в том, что смотрю порно по утрам.

– Хм. – выдает Тристан в ответ.

– Хм? – я хмрюсь. – Что значит это твое «хм»?

Уголки его губ слегка дергаются вверх. Я что, его забавляю?

– Иногда «хм» это просто «хм». – пожимает он плечами, уставившись перед собой.

– Нет. Погоди. – вскидываю руку, и он тут же упирается в нее торсом.

Мы останавливаемся, и я разворачиваюсь к нему лицом. Его взгляд опускается вниз на мою руку, которая все еще лежит на его животе. Сильном. Подтянутом животе. Кажется я нащупала кубики. Отдергиваю руку и поднимаю голову, чтобы взглянуть ему в глаза.

Тристан прикусывает нижнюю губу и с интересом изучает меня.

– Могу даже представить, что за мысль пронеслась в твоей голове. – продолжаю я, поражаясь собственным эмоциям в голосе. Но почему-то не могу остановиться. То ли дело в алкоболе, то ли просто не хочу осуждения. Ненавижу его. Терпеть не могу.

Тристан склоняет голову набок.

– Если знаешь, зачем спрашиваешь?

– Представлять и знать – не одно и то же.

– Смотрю, ты любишь спорить. – он делает шаг ко мне.

– А ты уходить от ответа. – вскидываю подбородок.

– На самом деле нет, мне просто нравится с тобой спорить.

Он улыбается, и меня накрывает теплом изнутри. Никогда раньше не видела такой улыбки на губах мужчины. Обычно они похотливые, сексуальные, высокомерные, глупые или же натянутые. Но его улыбка другая.

Убираю волосы назад, потому что вдруг становится намного жарче.

– И? – спрашиваю, все еще ожидая ответа.

– Что и?

Непроизвольно закатываю глаза.

– О чем ты подумал, когда я сказала, что не хочу быть шефом?

– Почему тебе так важно, что думают другие?

– Я знаю, что думают другие. Многие даже не боятся говорить мне это в лицо. Но мне интересно, разделяешь ли *ты* их мнение.

– Почему? – склоняет голову набок.

Потому что я надеюсь, что хотя бы ты меня не осудишь.

– Потому что ты меня не знаешь. – складываю руки на груди. – И мне кажется, ты уже решил, чем будешь заниматься в ближайшие пять лет.

– Хм. – чешет подбородок и убирает руку в карман. – Сначала скажи, о чем подумала ты, и тогда я озвучу свои мысли.

Легко. Уже несколько лет я слышу одно и то же.

– Повар, который не хочет быть шефом. Странно. Глупо. Неразумно.

Вот, о чем думает моя семья. И не только они. Почему-то

всем вокруг трудно принять тот факт, что я не стремлюсь к большему.

Тристан сокращает расстояние между нами, и мне приходится запрокинуть голову назад, чтобы не разорвать зрительный контакт.

Запах лета касается кожи.

– Я думал о том, – его пальцы вдруг обхватывают прядь моих волос. – Что у тебя красивые волосы. Как темный шоколад. Ты всегда убираешь их, когда готовишь. Так что, я удивился, когда сегодня ты их распустила.

Я моргаю. Раз. Второй.

Он отпускает прядь и делает шаг назад.

– Если не хочешь быть шефом, не будь. – пожимает плечами. – В этом нет ничего странного.

Мне вдруг захотелось признаться. В том, что долгое время покоилось где-то глубоко. В том, что казалось неправильным до этого момента.

– Не хочу работать с папой. Он собирается отдать мне один из ресторанов через год или два. Потом еще один. Мечтает о том, что я унаследую его бизнес. А я этого не хочу. – сглатываю ком в горле. – В моей семье только я пошла по его стопам. Братья учатся за границей, сестра...она вообще никого не слушает и делает все, что в голову взбредет. Поэтому все свои мечты отец оставил мне.

Тристан кивает. Так, будто и без моих слов обо всем этом знает. Не понимаю, зачем я вообще все это ему рассказываю.

Но с ним честность дается легко.

— Все просто, Эмма. — тихо говорит он. — Иногда не сложно делать то, что любишь. Но намного важнее и труднее *не* делать того, чего *не* хочешь. Ты готовишь, потому что любишь. Вопрос лишь в том, сможешь ли ты не делать того, чего от тебя ждут.

Вот оно.

Смогу ли я? Что если все это временное помутнение? Или страх? Вдруг я просто не хочу брать ответственность или боюсь быть хуже отца. Боюсь, разрушить то, что он так долго строил?

— Не хочешь подняться? — киваю на здание слева от нас. — Еще немного выпить?

Его брови удивленно взлетают вверх.

— Ты здесь живешь?

Молча киваю и подхожу к старому трехэтажному сооружению. Папа хотел купить мне новую квартиру, в месте получше, но мне и здесь хорошо. Само здание красивое и пахнет историей. Это придает стенам характер. А новые места...ну, они все на мой взгляд, все одинаковые.

Тристан следует за мной до самого лофта.

Слышу, как он закрывает за собой дверь. Пробегаюсь взглядом по открытому пространству и включаю лампу у дивана в центре. Дверь на балкон слегка приоткрыта и пропускает ночной воздух. На кофейном столике пара книг и пепельница. Повсюду растения, на кухне справа небольшой

круглый столик. Вроде никаких лишних вещей. Я не ждала гостей, и уж точно не предполагала, что приглашу сюда Тристана. Не знаю, зачем вообще сделала это. И тем не менее мы здесь.

Бросаю сумку на диван и разворачиваюсь к мужчине с запахом лета.

– *C'est magnifique* (франц. «здесь красиво»). – говорит он, смотря прямо мне в глаза.

Так и знала, что мне понравится его французский.

– *Merci*.

Не совсем понимаю, как оказываюсь в его объятиях, но его губы находят мои. Одна его рука путается в моих волосах, а вторая прижимает к себе за талию.

Обхватываю его руками за шею и встаю на носочки, чтобы быть ближе.

Внутри меня не оживают бабочки.

Не взрываются фейерверки, которых я ждала.

Простое тепло. Одно бесконечное, всепоглощающее тепло.

Колени не дрожат.

Сердце не выпрыгивает.

Я чувствую его тело своим, чувствую его вкус на своих губах, и он кажется мне знакомым. Как если бы мы уже делали это раньше много раз. Его щетина царапает мне подбородок, и эти ощущения тоже почему-то не ощущаются как новые. Словно странное дежавю.

Я разрываю поцелуй.

– Это ошибка. – тяжело дышу ему в губы. Он рассеянно кивает, и я снова притягиваю его к себе. Мне нравится, как его язык ласкает мой. Неторопливо. Уверенно. Словно он знает наизусть каждую клеточку моего тела.

Снова отрываюсь от него.

– Я...я только вчера рассталась с парнем. – шепчу, ища глазами его синеву. – Не думаю, что...

Тристан выпускает меня из объятий, тяжело дыша.

– Не думаю, что это правильно. – заканчиваю, шумно выдыхая.

Увеличиваю расстояние между нами.

– Прости. – хрипло говорит он.

– Не за что извиняться.

– Нет, есть за что. – возражает он, качая головой, и опускает взгляд. – Я не был до конца честен с тобой. Ты права, это было бы ошибкой.

– Хочешь выпить?

Он кивает, и я тут же разворачиваюсь в сторону кухни.

Странный вечер. До чего же странный вечер.

Достаю вино из холодильника, два бокала из шкафчика и ставлю их на столик. Тристан проходит на кухню, потирая рукой шею, и я ловлю себя на мысли, что даже само его присутствие в моем личном пространстве ощущается знакомым.

Дикость, но это так.

– У тебя есть сыр? – спрашивает он.

– Да, – киваю себе за плечо. – в холодильнике.

Опускаюсь на один из двух стульев за столом и открываю бутылку.

Тристан быстро находит дощечку, нож, сыр и присоединяется ко мне.

Я разливаю вино. Он нарезает сыр.

Ловлю себя на мысли, что до этого момента никогда не приводила к себе едва знакомого мужчину. Но есть в Тристане что-то такое... Не знаю. Похоже на то самое чувство, когда ты наконец натягиваешь любимую пижаму после тяжелого дня. Уют. Безопасность.

– Совсем недавно я расстался с девушкой. – признается он, откладывая нож в сторону, и откидывается на спинку стула.

Я придвигаю ему бокал и делаю глоток из своего.

– Почему ты рассталась с парнем? – спрашивает Тристан, не глядя на меня.

Вздыхаю, наблюдая за тем, вино плещется в бокале.

– Он мне изменял. Месяцами. А может и с самого начала. – правда дается легко, как дыхание. Тристан первый, кому я об этом рассказываю. Если мои братья об этом узнают, все закончится кровавой бойней. Но меня больше волнует не это. А сам факт того, что я так спокойно об этом говорю. В смысле, я разве не должна плакать? Чувствовать предательство? Унижение? Все те стадии, которые проходишь после расставания?

– Долго вы были вместе? – он берет бокал, нахмурившись.
– Год.

И даже облегчения нет. Скорее разочарование. Сожаление. Целый год коту под хвост.

Тристан с горечью вздыхает и отпивает вина. Я отправляю в рот кусочек сыра.

На улице за окном раздается громкий смех. Наши взгляды встречаются.

– Я изменил. – он делает глоток, а мое тело замирает. – С девушкой, которую любил... люблю.

Не знаю, как реагировать и что говорить. Получается, я та, *кому* изменили, а Тристан тот, *кто* изменил. Удивительно, но при всех этих обстоятельствах я его не осуждаю. Просто вижу по его глазам – в той истории много боли, много сожалений. Не как у меня.

– Я начал отношения, чтобы забыть. – продолжает он тихим низким голосом. – Думал, что смогу забыть.

– Но не смог.

Он кивает, и мы оба пьем.

Я не пытаюсь узнать больше. Тот факт, что Тристан был в отношениях с той, кого не любит, говорит о многом. И громче всего о том, что есть та печальная часть, где он не смог быть с той, кому принадлежит его сердце.

– Никто в ресторане не знает, что мы расстались. – признаюсь я.

На его губах появляется грустная улыбка.

– Я никому не рассказывал о том, что случилось.

Мы снова пьем. Оказывается, мы оба сегодня хотели за-
быться. Так или иначе.

Понемногу тишина между нами становится успокаиваю-
щей. Настолько, что мне начинает казаться, будто мы знаем
друг друга много лет.

– Знаешь, в чем ценность ночных разговоров? – спраши-
ваю я, крутя в руке бокал. Он отрицательно качает головой.
Его губы снова складываются в едва заметную улыбку.

– Ночь забирает все секреты с собой. – откидываюсь на
спинку стула и смотрю на него. – Ночью можно говорить, что
угодно.

На его лице появляется одобрение.

– Ночные разговоры самые откровенные.

Киваю, делая глоток из вина.

Тихо. Так тихо и спокойно на душе.

Наши признания остаются с нами. Секреты, которые мы
разделили друг с другом, заполняют пустые уголки в тех ме-
стах, где когда-то было больно. Так всегда происходит. Сто-
ит поделиться чем-то личным, как образуется связь. И вот
вы уже не просто незнакомцы. Вы – два человека, которые
носят кусочки боли друг друга.

Не знаю, о чем он думает, но чувствую, что могу расска-
зать ему все. Могу заполнить те пустоты, что не получалось
закрыть до него.

Этого достаточно для того, чтобы вот так сидеть посреди

ночи на кухне и пить вино с человеком, которого едва знаешь.

– Как будет называться твой ресторан? – вдруг спрашиваю я.

– Не знаю. – просто пожимает он плечами.

Мои брови сходятся на переносице.

– Как это не знаешь?

– Это разве важно?

– Конечно. – протягиваю я. – У всего должно быть название.

– Не у всего. – тихо отвечает он, и его снова взгляд меняется, становится глубже. Словно и он испытывает тот же покой рядом со мной. Да, он прав, у того, что происходит сейчас на этой кухне, где-то в Риме, нет названия. Это нечто просто есть. Мы не знаем, что это, но оба чувствуем, что оно есть.

– Какая твоя любимая книга?

– Маленький принц. – тут же выдает он.

Я хмурюсь.

– Это не подходит для ресторана. И почти уверена, что где-то есть такое кафе. Ладно, – складываю руки на столе и придвигаюсь ближе. – Какой он будет?

– Там будет просторно, много растений, дерева и света.

– Таинственный сад. – тут же срывается с моих губ. Мне всегда нравилась эта книга.

– Le jardin secret. – пробует он на вкус.

– Le jardin secret. – киваю я, повторяя за ним слова с сильным акцентом.

Он широко улыбается, и смотрит куда-то в пространство, будто уходит на мгновение в таинственный сад из своей мечты. В место, которое уже создал в своей голове. Место, которое рано или поздно станет конечной точкой его скитаний.

– Мама читала ее нам в детстве. – тихо говорит Тристан и снова возвращается ко мне.

Нам.

У него есть брат или сестра.

Я не спрашиваю о них, потому что сейчас это не имеет значения.

– Думаю, мы могли бы стать хорошими друзьями. – озвучиваю то, что пронеслось в моей голове как нечто естественное.

– Друзьями. – кажется, до этого момента он не задумывался о такой возможности.

– Не просто друзьями. *Хорошими* друзьями.

– Хорошими друзьями.

– Ты всегда повторяешь слова за другими?

– Нет, только за тобой.

– Почему?

– Мне нравится, как твои слова звучат иначе у меня.

Я улыбаюсь. Мои слова и правда звучат по-другому из его уст. Потому что у него французский акцент, а у меня итальянский.

– Подведем итог. – беру бокал в руки. – Тебе нравятся мои волосы, мне твой запах...

– Тебе нравится мой запах? – в его глазах загорается веселье.

– Ага. Не перебивай.

Из Тристана вырывается смешок.

– Мы знаем друг о друге то, чего не знает никто. Ты знаешь, чего хочешь, а я не уверена, что не сделаю того, чего не хочу.

– Как-то запутано.

– Вот именно. – киваю. – Я же сказала, не перебивай.

– Тебе нравится спорить.

– А тебе перебивать меня.

Он смеется, а я не сдерживаю улыбку.

– Ни тебе, ни мне, не нужны отношения. Ты мне нравишься, но я не чувствую того, что обычно испытываю рядом с мужчиной.

– Например?

Он копирует мою позу и придвигается ближе. Сейчас мы почти сидим носом к носу с бокалами в руках.

– Бабочек нет.

– Бабочек?

– И фейерверков.

– Их тоже? – в голосе слышится притворное удивление.

– Да. А у тебя?

На долю секунды он задумывается.

– Нет. Никаких бабочек.

– Вот видишь. Думаю, мы могли бы стать хорошими друзьями.

– Потому что нет бабочек?

– И потому что наши слова звучат по-разному.

– Мы разные. – добавляет он.

Да, мы разные. Это чувствуется. Даже не зная его всего, я понимаю, что мы точно не сойдемся во многом. Я не готова снова начинать историю, которая определенно точно закончится. Рано или поздно.

– Друзья? – поднимаю бокал.

Он смотрит на него, затем на меня. И снова этот его взгляд. В нем интерес и любопытство.

– Друзья.

Наши бокалы сталкиваются с легким звоном. Мы улыбаемся друг другу. А за окном медленно поднимается солнце. Становится светлее. В его глазах вновь появляются зеленые крапинки. Запах лета окутывает меня теплым одеялом.

В тот момент я еще не знала, что это будет для меня значить. Не знала, что буду искать этот запах. Не предполагала, что буду скучать по нему.

И тем не менее, именно тогда все и началось.

Наша дружба.

Та, что будет спасать меня много раз. Та, что разобьет мне сердце. И та, что никогда не закончится.

Настоящее

Франция. Париж.

Отправляю в рот кусочек мягкого бисквита. Несколько пар глаз внимательно следят за тем, как я пытаюсь определить тот самый вкус на фоне шоколадного десерта. Изабель, наш кондитер, кажется даже не дышит. Так не хочется ее расстраивать.

Я ничего не чувствую, но *он* точно поймет. Не знаю как, но он всегда понимает.

– Ну что? – первым не выдерживает Люк. Его карие глаза широко раскрыты в ожидании.

Кладу вилку обратно на тарелку и окидываю взглядом всех присутствующих. Без понятия, почему они решили, что сначала я должна пробовать *то самое* блюдо. Еще ни разу мне не удавалось определить на вкус брокколи. Ни в салате, ни в супе, ни в десерте.

– Он поймет. – наконец резюмирую я.

Воздух сотрясает недовольный вздох.

Не хочу никого обнадеживать. Пусть у меня самой на языке лишь сладость, я не сомневаюсь – он точно поймет.

– Уверена? – спрашивает Иза с надеждой. Я киваю и кладу руку ей на плечо, пытаюсь хоть как-то смягчить удар.

– Не расстраивайся. – улыбаюсь. – Ты же знаешь его.

– Шесть месяцев. – добавляет Артуро за моей спиной, и я оборачиваюсь к нему. – Мы пытаемся шесть месяцев. Как он это делает? Ты не знаешь, Эм?

Все снова затихает в ожидании моего ответа, тайного секрета, открытия. Как будто мне одной под силу прочесть книгу под названием Тристан Ревилье. Да, я его су-шеф, но я не имею ни малейшего представления о том, как работает его язык. Просто знаю, что все попытки подsunуть ему брокколи проваливаются. Все. До единой.

Меню в этом ресторане меняется каждые две-три недели. И во время каждой проверки Тристан без проблем находит *то самое* блюдо с брокколи. Он терпеть его не может.

Все началось с того, что он каким-то образом почувствовал этот безобидный овощ в салате. Теперь ребята на кухне бросают ему вызов, пытаюсь по очереди внедрить брокколи куда только можно. Это игра. И Тристан всегда выигрывает.

– Чего она не знает? – раздается знакомый голос.

Я подпрыгиваю на месте. Изабель судорожно хватается тарелку с десертом. Тут же закрываю девушку собой, пока тарелка быстро отправляется в раковину по рукам. Выхожу вперед, давая ребятам время заменить десерт, чтобы Тристан ничего не понял.

Отчаянная попытка отсрочить неизбежное.

— Где тебя носит? — расслабленно складываю руки на груди. — Все уже готово. И ты заставляешь нас ждать.

Тристан ухмыляется, бросая любопытный взгляд мне за спину. Он сегодня явно в хорошем настроении. И эта новая форма ему очень идет. Мы заменили белый цвет на черный. Его синие глаза с зелеными крапинками теперь кажутся ярче.

Он подходит ближе, и мне приходится запрокинуть голову, чтобы не прерывать зрительный контакт.

— Что ж, — рукой быстро убирает мне выбившуюся из пучка прядь волос за ухо. — Я здесь. Можем начинать.

Мои легкие наполняются знакомым запахом лета, когда он проходит мимо, слегка задевая меня плечом.

Знаете, есть такие вещи, которые отправляют тебя через край, во времена, когда ты чувствовал себя хорошо, на своем месте. Мелодия из детства, старый фильм, вкус мороженого, парфюм — что угодно. Ты можешь даже не вспомнить, почему именно эти вещи вызывают у тебя улыбку, почему сердце теплеет. Но нутром чувствуешь — это ощущение останется с тобой навсегда.

По неизвестной мне причине, именно его запах стал для меня таким рычагом. Отправляющим за край.

На моих губах невольно появляется улыбка.

Ребята расступаются перед шефом, образуя полукруг. На разделочном столе расставлены десять разных блюд. Какие-то войдут в новое меню, какие-то нет. Десерт, *то самое*

блюдо оставили предпоследним.

Повара нервничают. Я вижу. А значит, и Тристан тоже. Он поднимает на меня глаза полные веселья.

Дерьмо.

Он понял, что сегодня ему снова попытаются подсунуть брокколи.

Огибаю широкий металлический стол и встаю напротив него. Команда остается за его спиной. И слава Богу. В покер нам всем точно не стоит играть. Они даже в лицо не могут ему посмотреть, не выдав при этом себя с головой.

Тристан пробует первое блюдо, не сводя с меня глаз. Я лишь слегка улыбаюсь. Стоит попытаться его хотя бы обмануть. Поэтому наблюдаю пристально. Как будто каждое из этих блюд с брокколи. Но он лишь хмыкает в ответ. Делает глоток воды и приступает к следующему блюду. Я отвожу взгляд, осматриваю кухню. Дегустация всегда проходит в полной тишине. Я еще ни разу не пыталась приготовить что-то для меню. Мне это не интересно. Я здесь только, чтобы поддержать других. Поэтому в душе абсолютно спокойна. Ему не найти *то самое* блюдо на моем лице. Снова перевожу взгляд на Тристана и тут же натыкаюсь на его глаза. Он уже на пятом блюде и продолжает смотреть только на меня. Вдыхаю, когда он переходит к шестому блюду, отталкиваясь от стола и направляюсь к выходу. Но меня тут же останавливает игривый голос.

– Куда собралась?

Мысленно ругаюсь про себя, но спокойно разворачиваюсь к нему.

– В туалет. Можно? – сладко-сладко улыбаюсь ему.

– Потерпи две минуты, я почти закончил.

– Я все равно тебе здесь не нужна.

– Ты всегда мне нужна, Эмма. – он подмигивает, и по кухне проносится тихий свист. – Как мой су-шеф, разумеется. Выбор меню и тебя касается. Так что, вернись на место.

Взглядом посылаю ему средний палец. Его улыбка в ответ становится шире. Он ведь знает, что я ненавижу, когда мной командуют. Да, мы договорились, что я не буду подрывать его авторитет на кухне, но это вовсе не значит, что я не устрою ему взбучку позже.

Возвращаюсь на свое место. И только тогда он приступает к восьмому блюду. Взгляд снова приклеивается ко мне. Вокруг повисает гробовая тишина.

Черт возьми, они же сами себя сдают.

Тристан делает глоток воды и переходит к десерту Изы. Смотрю прямо ему в глаза, когда он отправляет в рот вилку.

Там нет брокколи.

Там нет брокколи.

Там нет брокколи.

Мысленно гипнотизирую его. Он ухмыляется, качает головой и тут же хватается салфетку, отправляет все содержимое рта в мусорку. По кухне проносится разочарованный стон.

– Брокколи. – вздыхает Тристан, подавляя улыбку. Затем

запивает все водой и заканчивает дегустацию.

Указывает на несколько блюд:

– Это, это – да. Здесь не хватает специй. Тут немного масла.

В моем случае можно долго смотреть на две вещи – как идет дождь, и как Тристан Ревиль терпеливо объясняет, что нужно исправить, что добавить. Его нельзя не слушать. Просто невозможно. Когда он говорит, ты впитываешь каждое слово. Его любят за его характер и уважают за то, какой он человек.

Благодаря его опыту, в нашем ресторане никогда не знаешь, какую кухню попробуешь. Повара готовы постоянно учиться. А Тристан всегда рядом.

Сейчас он хлопает Люка по плечу, подбадривая. Не крикует. Просто объясняет, что нужно сделать, чтобы получилось.

В такие моменты я невольно вспоминаю, как отец учил готовить меня. Иногда я плакала, потому что, например, каша подгорела, а папа мог прикрикнуть. Он у меня нетерпеливый. И не любит слезы. Ему нравится творить на кухне, доводить все до идеала. А я просто люблю готовить, как это делала мама.

Тристан другой. В нем есть и искусство, и страсть. Редкая комбинация.

Однажды он станет прекрасным отцом. Так и представляю его в окружении полного бардака и с детьми на руках.

Они будут творить, а он следить за тем, чтобы не было пожара.

– О чем задумалась? – Тристан упирается руками на металлический стол, склонив голову набок, явно довольный собой.

Копирую его позу, и теперь мы практически лицом к лицу. Нас разделяет лишь ширина стола между нами.

– Как ты это делаешь?

Вокруг оживает привычная музыка кухни – звон посуды, стук ножа о дерево, тихие разговоры о жизни.

– Делаю что?

– Ты знаешь что.

Его губы растягиваются в до боли знакомую улыбку. Ничего не ответив, он выпрямляется и выходит из кухни. Разумеется, я следую за ним. Во-первых, потому что он, откровенно говоря, меня достал. И не только меня. Всю кухню. Нет, ну в чем проблема пропустить хотя бы одно блюдо с брокколи?

Во-вторых, приказ.

Вернись на место.

Не вернись, пожалуйста. Нет. Именно *вернись на место.*

Я что, собачка?

Как только мы попадаем в зал, то тут же сворачиваем налево в сторону небольшого коридора, где находится его кабинет.

Тристан входит в прохладную комнату, даже не пытаясь

закрыть за собой дверь. Нет. Он точно знает, что я иду по его душу. Так что я позволяю себе хлопнуть дверью, пока он спокойно проходит к своему заваленному документами столу.

– «Вернись на место»? – в моем голосе слышится ледяное раздражение. – Серьезно?

Он безразлично опускается в кресло, но я замечаю подрагивающие уголки его губ.

– Ты сегодня не в духе. – его синие глаза без труда находят мои. В них нет обычной задумчивости, тело расслабленно. Он весь таки светится. Мои плечи тут же опускаются, а все гадости, которые я собиралась ему сказать, выветриваются из головы.

– Что-то случилось, да? Что-то хорошее.

Его улыбка становится шире. Он откидывается на спинку кресла и начинает покачиваться из стороны в сторону. Признаться честно, давно не видела его таким. С тех пор, как мы решились открыть еще один ресторан, он все время на нервах.

– Поделишься? – спрашиваю, подходя к столу.

– Пока не могу. Это не совсем со мной связано, поэтому. – говорит так, будто заочно извиняется за то, что не может рассказать.

Это мило.

Складываю руки на груди, слегка улыбнувшись.

– Секрет, значит.

Он медленно кивает и поддается вперед, сцепляет руки в замок на столе. Глаза не отрываются от моих. Он всегда смотрит в глаза.

– Так, что ты там собиралась мне сказать?

Сказать?

Ах, да.

– Ты идиот. – выпаливаю как на духу. Он начинает смеяться. – Мы же договорились. Никаких приказов.

– Я твой начальник, Эмма. – сквозь смех напоминает он.

– Засунь эту хрень себе в задницу, начальник. Мы оба знаем, что ты это специально сказал, чтобы вывести меня. Чтобы я вот так тут стояла перед тобой. А ты наслаждался моей пламенной речью.

– Ты просто бесподобна, когда злишься.

– А я о чем? Ты наслаждаешься. Меня это бесит.

Он скидывает руки перед собой.

– Ладно, прости, больше никаких приказов. Довольна?

В жизни не поверю, что он перестанет отдавать мне приказы. Ему слишком сильно нравится моя реакция.

Переступаю с ноги на ногу и прочищаю горло.

– Не совсем. Есть еще кое-что.

Его глаза сужаются так, что в уголках появляются милые морщинки.

– Слушаю.

– Как ты это делаешь?

Мне было все равно до этого момента. Но сейчас и правда

интересно.

– Что за язык у тебя такой волшебный?

Он опускает голову, начиная перебирать документы. Плечи снова подрагивают от смеха. Я огибаю стол и сажусь на край рядом с ним.

– Нет. Серьезно. Я пробовала тот десерт. Там не было даже намека на брокколи. Я уже не говорю о том, что у брокколи вообще вкуса нет.

– У всего есть вкус, Эмма.

– Да. Да. Знаю. Но все же. На фоне шоколада его совсем не было.

Тристан шумно выдыхает и поворачивается ко мне. В глазах веселые искорки.

Еще я заметила, что щетина на его щеках стала немного гуще.

– Тебе настолько интересно?

Ага, какая она на ощупь.

– Да.

– Уверена, что хочешь знать?

Не могу не протянуть руку. Наклоняюсь к нему ближе и провожу кончиками пальцев по его подбородку. Колется. Но приятно.

Хм.

– Эмма?

Моргаю пару раз. Наши взгляды сталкиваются.

– Что делаешь? – тихо спрашивает он, не шевелясь. От

меня не ускользают нотки веселья в его голосе.

Резко отдергиваю руку, выпрямляясь.

– Твоя щетина. – указываю на область челюсти, прочищая горло. – Она стала гуще.

Тристан медленно кивает.

– Так бывает, когда несколько дней ничего с ней не делаешь. В Ницце не было времени этим заниматься.

– Понятно. Так что с твоим языком?

Он прикусывает нижнюю губу, изо всех сил сдерживая улыбку.

– А тебе нравится? – вдруг интересуется он, поддавшись вперед.

– Нравится что? – складываю руки на своих бедрах.

Он пальцем указывает на свою щетину, как это только что сделала я.

– Не уверена. С ней ты выглядишь брутальным. Ну, знаешь, таким мужиком. Если нацепить на тебя кожаную куртку и посадить на мотоцикл – вылитый раздолбай.

Из него вырывается громкий хриплый смех, настолько сильный, что ему приходится запрокинуть голову назад.

– Так что с твоим языком? – снова спрашиваю я.

Он немного успокаивается и переводит на меня свои синие глаза.

– Тебе настолько сильно интересен мой язык? – а вот сейчас в тоне слышится подтекст. Он что, пытается сбить меня с толку?

Не на ту попал.

– Да. Очень. – невозмутимо отвечаю я и снова наклоняюсь к нему, добавляя шепотом. – Даже не представляешь насколько.

– Тебе не понравится правда.

– Это уже мне решать.

Стоп. Что? Почему мне может не понравиться?

Пару секунду смотрю на него и обрабатываю информацию.

Мне все равно, только если...

– Не может быть. – мои глаза округляются, а его улыбка становится просто широченной. – Я? Я тебе помогаю? Но как? Я же ничего не делаю.

Он цокает и возвращается к документам.

– Этот секрет останется при мне.

Поверить не могу.

Все это время я думала, что у него какие-то скрытые сверхспособности, а он на самом деле просто читал все с моего лица? Я настолько плохо умею скрывать свои эмоции или что?

– На следующей дегустации меня не будет. – просто сообщаю, рассматривая картину на стене за его спиной. Венеция. Красивая картина.

– Будешь.

– Не буду.

– Будешь.

– Я же сказала, что нет.

– А я сказал, да.

На мгновение стискиваю кулаки, затем выпрямляюсь, отрываясь от стола.

– Тебе обязательство спорить со мной? – цежу сквозь зубы. Его брови сходятся на переносице, и он бросает на меня упрямый взгляд.

– Споришь ты, а я просто говорю, как все будет.

– Хорошо. – киваю, поджав губы. – Тогда просто пойду и расскажу всем, в чем твой секрет, посмотрим, что решит кухня.

Развернувшись на пятках, направляюсь к двери. Но не успеваю даже ухватиться за ручку, как сильные руки рывком разворачивают меня на месте. Тристан нависает надо мной. Наши лица оказываются слишком близко. Настолько, что запах лета сливается с моим собственным. Но я не отшатываюсь. Его близость мне знакома. Она безопасна.

Его голос опускается на октаву ниже. В нем появляются хриплые нотки, когда он выпаливает:

– Я или кухня? Выбирай. – это что, шутка? Судя по выражению его лица, он явно веселится. – Ты не можешь быть и в моей команде, и с ними. Так что выбирай.

– Ты себя вообще слышишь? – тыкаю пальцем в его широкую грудь. – Соревнуешься со своими же людьми? Какой в этом смысл?

Рукой тянется к прядке у моего лица и снова убирает ее

мне за ухо. Только после этого отвечает:

– У них появился азарт. – выдает он почти шепотом, словно какой-то секрет. – У Люка даже соусы стали получаться лучше. Просто потому что он, скорей всего, раз десять пытался измельчить брокколи так, чтобы было незаметно. Они подключают фантазию, стараются выйти за рамки того, что знают.

Его взгляд на секунду опускается к моим губам и возвращается к глазам.

– Так что выбирай. Я или кухня. – медленно отходит назад, давая мне пространство для размышлений.

– Это нечестно. – притворно хмурюсь, надувая губы. – Ты мне платишь.

Он усмехается, опускаясь на край стола. Такой высокий, широкий, красивый. И как ему отказать, когда он так смотрит? Словно от моего решения зависит судьба всего ресторана.

Этим можно воспользоваться.

– Ты можешь хотя бы раз дать им выиграть?

– Не могу. – тут же отрезает он, складывая руки на груди.

– Но они уже отчаялись.

– Отчаяние рождает идею. Переживут.

– Я не буду тебе подыгрывать.

– Кажется, я этого и не просил.

Правда в том, что я всегда в его команде. По умолчанию. Не могу иначе. Тристан один из моих самых близких друзей.

И меня подкупает то, что он использует азарт ребят в качестве стимула включить их фантазию.

– Но, – начинает он, как бы между делом, снова размещаясь за своим столом. – Я мог бы подумать о том, чтобы проиграть, если бы и ты поучаствовала.

Опять эта старая пластинка. Создавать новые блюда для меня, творить, придумывать рецепты и все в таком духе не для меня. Я просто люблю готовить.

– Тристан.

– Знаю. – тут же обрывает он, сдаваясь. – Тебе это не интересно.

Складываю руки на груди и киваю.

– Думала, тебя это устраивает.

– Устраивает. – твердо говорит он. – Полностью.

Тогда почему у меня снова возникает это чувство? Словно я разочаровываю. Подвожу. И не только это.

– Хорошо. – натягиваю улыбку, киваю и собираюсь уйти. Но взявшись за ручку, понимаю, что должна спросить.

– Тристан. – разворачиваюсь обратно. Он уже полностью поглощен работой, но отрывается от документов и снова отдает мне все свое внимание.

– Слушаю.

– Артуро уже больше года здесь работает.

Тристан тут же качает головой.

– Не начинай, прошу. Кажется, мы уже все решили.

– Но...

– Никаких «но», Эмма. – его взгляд уверенный, тон не терпит возражений. – Я уже говорил тебе один раз, повторюсь снова. Пока я шеф, ты мой су-шеф. Мы партнеры. Это не изменится.

Я выдыхаю, соглашаясь.

– Ладно.

Он улыбается, откидываясь на спинку кресла.

– Люблю, когда ты это говоришь.

А говорю я это крайне редко.

– Не привыкай.

– Даже не думал.

Пару секунд мы продолжаем смотреть друг другу в глаза. Он знает, что я снова подниму этот вопрос, точно так же, как и я понимаю – он будет стоять на своем.

Все ребята здесь талантливые, все рано или поздно заслуживают повышения. А я та, кто за два года даже не попыталась создать хотя бы один рецепт, уже не говорю о целом меню, над которым Артуро работает вместе с Тристаном.

С каждым днем мне все чаще начинает казаться, будто я занимаю чужое место. Просто потому что отказываюсь делать то, чего *не* хочу.

– Не забудь, что у тебя сегодня мастер класс. – напоминаю ему, и он тут же морщится. Это вызывает улыбку на моих губах.

– Помню.

Я киваю и выхожу в зал. Оттуда на кухню и через нее во

внутренний дворик. Достая пачку сигарет с зажигалкой. Закуриваю и выдыхаю дым в теплый августовский воздух.

Возможно, это детская позиция – отказываться делать что-то, что тебе не по душе. Во взрослом мире так или иначе сталкиваешься с тем, что *приходится* делать. Но я уехала из Италии как раз поэтому. Одна только мысль о том, чтобы занять место отца до сих пор вызывает мурашки по коже. И не самые приятные. Это больше похоже на тысячи муравьев, снующих под кожей. Мой организм отторгает эту идею. Как и все еще не принимает возможность стать шефом в ресторане Тристана. Знаю, он думает об этом, просто пока не говорит. Но открытие второго ресторана неизбежно приведет к изменениям здесь. Он захочет отдать мне «Таинственный сад», даже зная, что я не смогу его принять. Не смогу стать тем, кем он сейчас является.

Тристан всегда мечтал масштабно. А мне было достаточно кухни и продуктов.

Он стремится помочь. Но нельзя помочь тому, кого все устраивает.

Тушу сигарету и возвращаюсь на кухню. Сегодня суббота. А значит, день будет насыщенным.

Делаю глоток ароматного кофе, попутно наблюдая за тем, как Тристан учит далеко немолодых дам нарезать мясо. Его глаза то и дело находят мои, якобы говоря «знаю, ты наслаждаешься моими мучениями». Я лишь улыбаюсь в ответ.

Ему не по душе идея мастер-классов. В основном, потому что многие приходят только для того, чтобы пофлиртовать со знаменитым шефом. А сколько пылких взглядов он сегодня получил. Мне остается только стоять в стороне и пытаться держать лицо серьезным.

Пустая трата времени – это он сказал, когда Дана Эдвардс, моя близкая подруга и по совместительству, наш пиарщик выдвинула эту идею. Скорее даже заставила его согласиться на эту авантюру. Она называет это «дополнительным привлечением клиентов». Наши социальные сети набирают тысячи подписчиков ежедневно и все благодаря ей. Ну, и лицу Тристана. Он – главная звезда. Даже не верится, что когда-то она оказалась здесь в качестве официантки. Теперь у нее свое агентство, а мы одни из ее многочисленных клиентов.

Одна из женщин «случайно» кладет руку на бицепс Тристана и начинает восхищаться его физической формой. Я едва не давлюсь кофе и подавляю улыбку. Он неодобрительно качает головой, смотря на меня, и ловко освобождается от ее хватки. Уверена, будь на его месте Элиот, то не упустил бы возможности поднять всем самооценку. Но Тристан не такой. Он всегда старается держаться максимально профессионально.

Двери кухни распахиваются, и мои брови ползут вверх. Элиот Бастьен собственной персоной. С камерой в руках и обворожительной улыбкой. Все женское внимание тут же пе-

реключается на него.

– Дамы. – подмигивает он. Его темные волосы в полном беспорядке, как и обычно. – Добрый вечер.

В ответ кухня заполняется восторженными приветствиями.

– Что ты тут делаешь? – широко улыбаюсь своему другу-фотографу. Он поворачивает голову в мою сторону и тут же за два шага настигает меня.

– Любимая. – целует в обе щеки. – Я соскучился.

– Мы виделись недели две назад. – отстраняюсь от него, запрокидывая голову назад, чтобы смотреть в глаза.

Он пожимает плечами.

– Что поделать, я всегда по тебе скучаю.

Делаю глоток кофе, растягиваясь в улыбке. Мой взгляд тут же натывается на пару синих глаз. Тристан наблюдает за нами. Элиот в это время тянется к резинке на моем затылке и легким движением стаскивает ее с меня. Волосы тут же каскадом падают на плечи.

– Так то лучше. – довольно констатирует Элиот. Я хлопаю его по руке, не давая больше трогать мои волосы.

– Я на кухне. – говорю ему. – Здесь нельзя так ходить.

Он закатывает глаза.

– Твоя смена закончилась. Кухня технически уже не работает. И ты просто невероятная красотка с распущенными волосами. Скажи ей, Тристан. – он оборачивается к нему в поисках поддержки.

Наши с Тристаном взгляды снова находят друг друга. Я замечаю, как он сглатывает, приоткрывает рот. Уголки губ немного подрагивают. Мне в голову вдруг приходит одно воспоминание. Совсем короткое.

У тебя красивые волосы. Как темный шоколад.

– Эмма права. – сухо говорит Тристан в ответ на мою улыбку. – На кухне так нельзя ходить.

Он опускает взгляд к разделочному столу, подходит к женщине и неожиданно добавляет:

– Сильно отвлекает.

Я не успеваю переварить услышанное, как двери кухни снова распахиваются. Первое, что замечаю – копну коротких рыжих волос.

– А вот и виновница моего испорченного выходного. – улыбаясь, говорит Элиот, указывая камерой в сторону Даны. Та рассеянно кивает мне, натягивает почти искреннюю улыбку и приветствует всех.

Я могу только наблюдать за тем, как Тристан изменился в лице, стоило ей появиться. Теперь *она* завладела всем его вниманием. Неудивительно, учитывая их историю.

Она начинает рассказывать о цели своего визита. Элиот должен снять несколько кадров мастер класса для рекламы.

– Сегодня ровно два года с тех пор, как он уехал. – шепчет мне на ухо Элиот.

И до меня доходит, почему она пришла именно сегодня. В свой выходной. Ей нужна работа, чтобы справиться. Послед-

ние два года все, что она делает – работает. Ее улыбки кажутся слишком яркими, настрой чересчур позитивным. Для тех, кто плохо ее знает Дана сейчас олицетворение успеха и уверенности.

Тристан смотрит на нее так, будто готов в любой момент сорваться и обнять. Он был рядом. Как был рядом и Элиот. Как была рядом я. Все это время. Казалось она ожила за последний год. Но это скорее напоминает попытку дышать под водой.

Она пытается.

Элиот присоединяется к ним. Я же быстро мою чашку и вылетаю из кухни в раздевалку.

Быстро снимаю с себя форму. Сердце отчего-то колотится в груди. Делаю глубокий вдох. Натягиваю джинсы и рубашку. Захлопываю шкафчик и опускаюсь на лавочку.

Сердце все еще колотится.

Прошло два года.

Два года с тех пор, как Дана стала работать с Тристаном.

Два года с того момента, как у них завязались отношения.

Два года с того звонка Даны. Она сказала, что проводит в Ницце время с Рафаэлем.

Рафаэль – брат близнец Тристана. Но они разные. Как огонь и вода. Как Солнце и Луна. Как я и Тристан.

Я была той, кто поддержала ее в этом. Сказала брать от жизни все. И я же осудила ее, когда увидела их вместе с Рафаэлем на парковке. А я никогда никого не осуждаю. Я ста-

раюсь быть хорошим другом. Но не могу пересилить себя сейчас.

Почему не могу быть там рядом с ней?

Почему?

Сию здесь, уставившись в пол с колотящимся сердцем и не знаю, что со мной не так.

Я устала от ее драмы. Чувствую себя дерьмовой подружкой. Устала разочаровывать.

Не могу слушать. Не хочу слушать. Эта боль, которую мне никогда не понять. Может, все дело в этом. В какой-то степени я просто ей завидую.

Идиотизм какой-то.

Как можно завидовать человеческой боли?

Но ведь боль означает, что чувства были сильными, настоящими. Особенными.

В какой-то момент вокруг становится невыносимо тихо. Я понимаю, что прошло много времени только когда беру в руки телефон. Скорей всего мастер-класс закончился.

Завязываю волосы в пучок, чуть не вырвав себе прядь. Хватаю сумку и выхожу в зал.

Основной свет выключен. Горят лишь лампочки на стене среди листвы зеленых растений. Я замедляю шаг. Тристан сидит рядом с Даной в полумраке. Ее взгляд устремлен на стакан виски на столе, а его на нее. Элиот там же. Но его почти не видно. Все, что вижу я – руку Тристана на руке Даны.

Отвожу взгляд и медленно подхожу к столику. Эта атмосфера. Будто кто-то умер. Она давит на меня. Потому что никто не умер. Просто очередной мудак решил уехать.

Два. Года. Назад.

Дана поднимает на меня глаза и слабо улыбается. Мне хочется тут же отвести взгляд. Хочется накричать на нее. Мне ненавистно то, что я вижу в ее голубых глазах.

– Я домой. – резко говорю, поражаясь собственной бесчувственности.

Дана кивает.

– Я тоже наверное пойду. – пытается подняться она, но Тристан останавливает, снова взяв ее за руку.

– Останься немного. Я потом отвезу тебя. – говорит он.

Мои челюсти сжимаются. Перевожу взгляд на Элиота, просто чтобы не смотреть на них. Элиот следит за мной. Как-то странно. Без привычной игривости и веселья. Серьезно. Он осуждает меня?

Дана возвращается на свое место.

– Хорошего вечера. – бросаю я и разворачиваюсь на выход.

Меня разрывает изнутри. Не пойму почему. Чувствую себя стервой. Но не могу иначе. Я давно не делаю того, чего не хочу. А сейчас я совсем не хочу в миллионный раз утешать Дану.

Я почти добираюсь до выхода, когда его голос останавливает меня. Ноги так и прирастают к полу.

– Эмма.

Дверь прямо передо мной. Не обязательно оборачиваться. Не обязательно отвечать. Я не хочу наговорить лишнего.

И тем не менее я оборачиваюсь. Как в замедленной съемке.

На лице Тристана вижу, то, чего там никогда не было – непонимание.

– В чем дело? – брови сходятся на переносице. – Что с тобой?

– О чем ты? – мой голос плоский, безвкусный. Мы с ним всегда говорим на английском. И наши слова сейчас как никогда раньше звучат по-разному.

– Ты ведешь себя как... как...

Он выдыхает, трет лицо руками, и я интуитивно понимаю, что он пытается сказать. Какое слово подбирает.

– Как? Как я себя веду? – остановись, мать твою, остановись, ты же не хочешь этого слышать. – Скажи это.

Он замечает вызов в моем тоне, в том, как я смотрю на него. А Тристан никогда не пасует перед вызовом. Особенно, когда исходит он от меня. Мы оба это знаем. Поэтому правда срывается с его губ без колебаний.

– Как бесчувственная сука. – почти шепот, но в моих ушах звучит эхом. – Вот как.

Делаю шаг к нему, приближаясь с каждым словом.

– Целый год. Я была рядом год. Каждый. Гребанный. День. Я была там, как и ты. – указываю в сторону зала. – И то,

что она продолжает делать. Не отпускает. Держится за него. Страдает. Это ее собственный выбор.

Он меняется в лице. Будто не верит, что я только что это сказала.

– Думаешь, это просто? Вот так взять и перестать чувствовать.

Пожимаю плечами.

– Ты прав. Откуда такой бесчувственной суке, как я, знать что-либо о чувствах.

– Я не...

– Как ты не понимаешь, что делаешь только хуже. Ты ведь напоминаешь ей его.

Он резко отшатывается как от пощечины. Внутри меня что-то болезненно обрывается. Я замираю всем телом. Его взгляд мечется в пространстве, а когда вновь находит мой, я делаю шаг назад, не веря.

– Неужели ты.., – голос срывается, и я сглатываю. – Ты хочешь вернуть ее?

Он каменеет всем телом. Молчит. И это молчание неприятно касается кожи. Настолько, что я отхожу от него еще дальше. На этот раз меня не останавливают. Вылетаю на улицу. Небо сотрясает гром. Я вздрагиваю.

Только не это.

Только не сейчас.

Поднимаю взгляд к небу.

Первая капля касается щеки.

Нет. Нет.

Почему сейчас?

Бегу к машине. Как в тумане завожу двигатель и срываюсь с места.

В голове кричат мысли. Одна за другой.

Они с братом не общались много лет. Потому что полюбили одну девушку. Потому что эта девушка изменила Рафаэлю с Тристаном.

Капли начинают бить по лобовому стеклу. Мои руки начинают дрожать.

Два года назад история повторилась. Нет. Не совсем так. Дана была между ними. А Рафаэль лишил ее выбора. Он уехал. Тристан с Даной стали друзьями. Я знаю его. Но неужели ошиблась? Неужели он хочет ее? Хочет любимую своего брата? Снова?

Почему я не могу перестать об этом думать?

Почему это кажется таким неправильным?

Я не осуждаю.

Я никогда не осуждаю.

Я не хочу быть сукой.

Не хочу быть дерьмовой подругой.

Снова гром.

Врубаю музыку так громко, как могу. Кровь стучит в висках. Дворники размыывают воду по стеклу. Сердце колотится. Делаю глубокий вдох.

Все из-за грозы.

Слезы подкатывают к горлу.

Все из-за грозы.

Спустя целую вечность добираюсь до дома. А дождь все не останавливается. Бегу к зданию. Поднимаюсь по лестнице. Замираю на площадке перед его квартирой. Рафаэль жил прямо подо мной. Дана какое-то время жила у меня. До сих пор помню, как застучала их на полу своей ванной. Помню, как мы вместе ели китайскую еду на моей кухне.

– Почему ты уехал? – выдыхаю в пространство и поднимаюсь к себе.

Как только дверь за мной закрывается, слезы вырываются из глаз. На кухне хватаю бутылку вина. Делаю внушительный глоток прямо из горлышка. Гроза. Каждый раз с раскатом грома я вздрагиваю. Уже не совсем понимаю, от чего именно. От шума или воспоминаний?

Музыка. Нужна музыка.

Ищу наушники с бутылкой вина в руках. Но никак не могу их найти. Переворачиваю всю гостиную. И ничего. Поэтому включаю колонку дрожащими пальцами. Но телефон сел. Где моя зарядка? Снова гром. Затыкаю уши. Опускаюсь на пол. Пью. Снова. И снова. Пью, пока мысли не превращаются в сплошной туман. Пока бутылка не заканчивается. А дождь продолжает идти. И вот я снова ребенок. Ребенок, но мамы больше нет, чтобы обнять меня. Ее нет, чтобы отогнать страх. Ее нет, чтобы успокоить. Как и нет его.

Поднимаюсь на ноги, слегка пошатываясь. Перед глаза-

ми плывет моя собственная гостиная. Добираюсь до спальни. Под одеяло. Забираюсь под одеяло и затыкаю подушкой уши. Чтобы не слышать. Чтобы не бояться.

Его нет.

Он не пришел.

Он не придет.

Прошлое

Гром. Тело против воли вздрагивает, и тарелка летит на плитку. Разбивается на крошечные осколки. Слышу негодование и ворчание со всех сторон. Неудивительно. Это уже третья тарелка. Еще было два стакана.

Опускаюсь на корточки, в очередной раз собирая осколки. Пот неприятно скатывается по позвоночнику.

Чувствую, как кто-то стоит рядом, затем опускается. Мне не нужно поднимать глаза, чтобы понять, кто это. Я узнаю его по запаху.

– Что-то случилось? – с беспокойством спрашивает Тристан, помогая собирать осколки. – Ты в порядке?

Нет. Я не в порядке.

– Да. – киваю, не поднимая взгляд.

– Эмма. – раздосадованный голос отца заставляет меня зажмуриться. – *Figlia, è meglio che torni a casa.* (итал. «дочка, лучше иди домой»)

Но я не хочу домой. Там будет только хуже. Там я буду одна.

Выбрасываю осколки в ближайшую урну и разворачива-

юсь к отцу. Тристан делает то же самое. Чувствую его взгляд на себе, но не смотрю в ответ. Ему точно удастся выпытать правду. А я не хочу делиться.

Отец кричит кому-то на кухне, бросая приказы, пробует соус, затем возвращается ко мне.

– *Sei ancora qui, piccola? Per favore, vai a casa, qui stai solo intralciando.* (итал. «Ты все еще здесь, малышка? Пожалуйста, иди домой, здесь ты только мешаешь»)

– *Sì, papà.* (итал. «Да, папа»)

Он снова обращает все свое внимание на кухню. Не тратя времени, проталкиваюсь мимо раскаленных сковородок, подальше от боевых действий. Снова вздрагиваю вместе с раскатом грома. Дыхание учащается. Прикладываю руку к груди, чтобы унять сердце, но не выходит. Хватаю сумку из подсобки и выбегаю на улицу через забитый зал ресторана.

Ливень бьет по асфальту стеной.

Гром.

Небо гремит.

Я вздрагиваю, зажмурившись.

Не бойся.

Это всего лишь гроза. Всего лишь дождь.

Делаю глубокий вдох. Выдох. Открываю глаза и срываюсь с места. Бегу так быстро, словно за мной гонятся монстры. Одежда намокает за доли секунды. Волосы прилипают к лицу.

Я бегу и бегу. Может физическая усталость заберет с со-

бой страх. Не знаю. Просто бегу, благодаря вселенную, что живу рядом с рестораном.

Как только оказываюсь дома, замираю на месте. Приваливаюсь к двери. Сердце выбивает дробь в груди вместе с каплями дождя снаружи. Перед глазами плывет мой диван. Слишком быстро бежала. Опускаюсь на пол и зажимаю уши руками. Если надавить сильнее, то будто бы можешь услышать свой внутренний голос. Сердце. Тук-Тук. Дыхание. Вдох-выдох. Гром. Вздрагиваю. Не помогает. Стягиваю с себя топ, затем кое-как поднимаюсь на ноги и снимаю мокрые джинсы. Сваливаю все в мокрую кучу у дивана, распускаю влажные волосы. Они тут же начинают виться. Я знаю. Плечусь в свою маленькую спальню и снова вздрагиваю. Черт. Как же достало.

Соберись, Эмма. Ты взрослая девушка, мать твою.

Достаю из шкафа пижаму. На мокрое тело неприятно. Но мне плевать. Может выпить? Но у меня ничего нет. Дожди в Риме редкость. Ливни в особенности. Молчу уже про грозы. Все должно закончиться. Скоро закончится.

Забираюсь под одеяло и накрываюсь с головой. Нужно просто подождать.

Дышу. Глубоко. Но тело все равно отказывается слушаться. Оно не расслабляется.

Вместе с громом слышу что-то еще. Отбрасываю одеяло и прислушиваюсь.

Звонок. В дверь.

Черт, не знаю, кто это, но надеюсь меня не пришли убивать.

Плетусь к двери и смотрю в глазок.

Сердце пропускает удар от неожиданности.

Открываю дверь и смотрю в синие глаза, на мокрую рубашку, которая прилипает к сильному телу, смотрю на немного кудрявые от дождя волосы.

– Тристан? Что ты тут делаешь?

Его взгляд пробегает по моему телу словно хочет убедить-ся, что все в порядке.

– У меня несварение. – прочищает горло, слегка улыбаясь. – Серьезное. Карлос сказал, что мне лучше пойти домой.

Только мои губы растягиваются в улыбке, как снова гремит гром, и я вздрагиваю так, будто кто-то вlepил мне пощечину.

– А еще я беспокоился.

Медленно открываю глаза и вижу это беспокойство на его лице. Шире открываю дверь и впускаю его.

– Принесу тебе полотенце. – бормочу я и скрываюсь в ванной.

Когда возвращаюсь, нахожу Тристана на том же месте. Вокруг его ног собралась небольшая лужица.

Наши взгляды встречаются.

– Могу я.., – чешет пальцем шею. – могу я раздеться?

Кидаю ему полотенце. Он ловко ловит его в воздухе.

– Ни в чем себе не отказывай.

Опускаюсь на диван и прижимаю колени к груди. Краем глаза наблюдаю, как Тристан медленно расстегивает свою рубашку. У него гладкая кожа теплого оттенка. И тело... Ну, он явно работает над своим телом. Стаскивает мокрую ткань и бросает ее рядом со мной на спинку дивана. Затем вытирается и немного подсушивает волосы.

– Я в порядке. – говорю ему, когда он обходит диван и опускается в кресло.

Его взгляд прилипает ко мне так, будто он пытается пробиться внутрь и узнать все мои секреты.

Небо снова гремит, я вздрагиваю, но лишь слегка. Делаю глубокий вдох и отвожу взгляд.

– У тебя есть колонка? – спрашивает он, бросив полотенце на диван.

Мои брови сходятся на переносице.

– Колонка?

– Да, – кивает. – Для музыки.

Указываю на полку у противоположной стены. Он встает и выуживает свой телефон из переднего кармана. Спустя пару мгновений подключается к устройству, и мою маленькую квартирку заполняют звуки самых разных инструментов. Узнаю саксофон и пианино.

– Это что, джаз? – спрашиваю, стараясь подавить улыбку.

– Ага. – кивает. – Я голоден, у тебя есть еда?

– Конечно, у меня есть еда.

– Приготовишь?

Мои глаза сужаются.

– Ты и сам можешь приготовить. Холодильник знаешь где.

– Я гость вообще-то.

– Незванный.

Он усмехается, но не двигается с места. Просто буравит меня взглядом.

Шумно вздыхаю и закатываю глаза. Поднимаюсь на ноги и плетусь на кухню. Он следует за мной. Выуживаю из шкафчика коробку овсяных хлопьев.

– Каша? – Тристан прислоняется к кухонному столу, сложив руки на груди.

– Есть возражения? – воинственно вскидываю подбородок.

– Никаких. – тихо отвечает он, и я замечаю веселье в его глазах.

Разминаю шею и начинаю свой собственный ритуал. По крайней мере, так я его называю. Для начала выкладываю все нужные ингредиенты на стол: коробку хлопьев, масло, молоко, мед, фрукты. Затем достаю кастрюлю.

Тристан все это время молча наблюдает за мной.

– У тебя есть какао? – вдруг спрашивает он.

– Ага. – киваю на шкафчик за ним. Он оборачивается, достает какао и встает рядом со мной.

Я чувствую жар его тела, его запах.

– Как дела в школе? – снова спрашивает, имея в виду кулинарную школу, которую сам от силы два раза посетил.

– Супер. – добавляю в кашу немного меда. – А у тебя?

От него не ускользает сарказм в моем голосе.

– Ты что завидуешь? – толкает меня бедром.

– Я? Чему?

– Ну, я типа такой крутой, сдал все, что нужно, раньше остальных, прошел программу быстрее остальных. Мы вроде бы одного возраста, но у тебя таких же успехов не наблюдается.

Из моей груди вырывается смешок.

– Ты умник-задрот, и мне некуда торопиться.

– Умник-задрот? – он разворачивается ко мне лицом. –

Вот как?

– Ага. – продолжаю готовить кашу. – И к тому же, у тебя опыта намного больше моего. Бесполезно с тобой соревноваться. И вообще с кем бы то ни было. У меня свой темп, ясно?

Тристан, кивает, будто соглашается с моими мыслями.

– Уже решила, что будешь делать после окончания?

Я замираю, но всего на долю секунды. Аромат какао ударяет в нос.

– Нет. Еще думаю. – это честный ответ.

Он подходит ближе и вот уже нависает надо мной. Мое плечо слегка касается его груди, я поднимаю на него глаза, и снова замечаю зеленые крапинки в синеве.

– Не позволяй кому-то решать за тебя. – тихо напоминает он. – Тебе необязательно делать то, чего ты не хочешь.

– Мир так не работает, Тристан. Иногда тебе приходится делать то, что не нравится.

Возвращаюсь к каше. Готово.

Распределяю овсянку на две тарелки, добавляю мед и фрукты.

Он вдруг берет меня за локоть.

– Эм, – разворачивает к себе, я вижу, он хочет что-то добавить, сказать. Но в итоге отпускает и спрашивает. – Почему каша?

Беру две тарелки с приборами.

– Попробуй и сам все поймешь. – подмигиваю я.

Раздается гром. Дрожь пробивает до костей. Тарелки едва не вылетают из моих рук, но Тристан вовремя реагирует. Его теплые ладони ложатся на мои. Наши взгляды находят друг друга. И в его множество вопросов.

Я сглатываю.

– Не забудь какао. – напоминаю и возвращаюсь в гостиную.

Интересно, если он спросит меня напрямую, у меня получится соврать?

Он ставит наши кружки на кофейный столик и опускается в широкое кресло. Я сажусь на диван по-турецки со своей тарелкой в руках.

Тристан наблюдает. Музыка почти перебивает грохот за окном.

– Знаешь, а я не люблю джаз. – спокойно говорю я.

Он поджигает губы и кивает.

– Ненавижу брокколи.

Из меня вырывается смешок.

– Я серьезно. – надувается он.

– Попробуй кашу. – киваю на его тарелку.

Он зачерпывает ложку и отправляет в рот. Глаза тут же расширяются. Мои губы улыбаются.

– Что там? – с интересом спрашивает он, пробуя еще и еще.

– Ты мне скажи, ты же у нас эксперт.

– По кашам?

– По вкусам.

Он задумывается на какое-то время. И мы едим в тишине. Я недоедаю как обычно. Просто потому что сыта. Беру свое какао.

– Пусть останется секретом. – вдруг говорит он, и поднимает на меня глаза. – Тогда я буду сравнивать все каши с твоей. Буду говорить «такую как у Эммы вы нигде не пробова-ли».

– Хорошо. – соглашаюсь, делая глоток. – Мне нравится, как это звучит.

Тристан возвращает пустую тарелку на кофейный столик, берет какао и вдруг перемещается со своего места ко мне на диван. Так близко, что между нами не остается никакого расстояния. Я вдруг ловлю себя на мысли, что мое сердце больше не колотится как раньше. А дыхание ровное. Мы

слушаем отвратительные звуки джаза, смешанные с ритмом дождя. И мне отчего-то становится смешно. Я сижу с гнездом на голове, в пижаме в цветочек. Тристан топлес с какао в руках. И мы слушаем гребанный джаз. Посреди рабочего дня.

– Почему мы пьем какао? – спрашиваю, повернув к нему голову.

Рядом с ним тепло. И так спокойно.

– Мама всегда делала нам его с братом, когда мы ссорились. – пожимает плечами. – Не знаю, почему-то просто захотелось выпить его с тобой.

– Мы не ссорились.

Он поднимает на меня глаза.

– Не ссорились.

Я шумно выдыхаю и снова упираюсь взглядом в свою кружку. Очевидно какао волшебное, потому что мне вдруг захотелось выложить ему все.

– Это глупо. Но я боюсь грозы. Панически. С детства. Мама рассказывала, что когда мне было лет пять, мы ездили в Нью-Йорк к бабушке. Началась сильная гроза. Кажется, я стала свидетелем аварии. – вожу пальцем по кружке. – Кто-то умер. Я ничего не помню, но мама думала, что дело в этом. С того момента она всегда была рядом со мной во время грозы.

– А после? Кто был с тобой после того, как ее не стало?

Мне нравится, что он всегда прямо задает вопрос. Не ходит вокруг да около, как делают это остальные, когда речь

заходит о смерти.

— Братья начали устраивать шумные вечеринки во время грозы. — улыбаюсь, вспоминая, как они запрещали мне идти в свою комнату. — Папа потом сильно их наказывал, потому что мы с Дельфиной были несовершеннолетними.

— Карлоса часто не было дома?

Качаю головой.

— После смерти мамы он погрузился в работу. Однажды я попросила его научить меня готовить. До того момента интереса к этому не было. Так что он сильно удивился. Папа не готовил дома после маминой смерти. Поэтому этим занялась я. Мне нравилось делать своих братьев и сестру счастливыми с помощью вкусной домашней еды. Мама так делала.

На какое-то время Тристан замолкает. Но потом вдруг говорит:

— Это не глупо.

Хмурюсь, поднимая на него глаза.

— Не глупо чего-то бояться. — перехватывает прядь волос у моего лица и убирает ее мне за ухо. — Глупо, что ты решила остаться одна, когда очевидно, что тебе нужна компания.

Что, черт возьми, он только что сказал?

— Я вообще-то не хотела уходить из ресторана и уж точно не хотела...

Он вдруг перекидывает руку и прижимает меня к себе. Наши лица оказываются настолько близко друг другу, что я чувствую его дыхание на своих губах. В синих глазах пле-

щется веселье.

Я прищуриваюсь на него.

– Ты специально это сказал, да?

– Разумеется. Люблю, когда ты начинаешь тараторить, пытаясь доказать свою точку зрения. И плюс ко всему, мне хорошо известно, что ты в состоянии о себе позаботиться. Но ты гордая, и не стала бы просить о помощи. Поэтому я пришел сам.

Я раздраженно хлопаю его рукой по бедру и пытаюсь отстраниться. Но Тристан не дает и только крепче прижимает к своему горячему телу. Нет, серьезно. Это вообще нормально иметь такую температуру?

– Не нужна мне твоя помощь. И в особенности твоя компания. – бормочу я.

– Еще как нужна.

Его рука опускается на мою талию, так что мне ничего не остается, как свернуться калачиком у него под боком.

– Не нужна.

– Говори, что хочешь, но отныне каждый раз, когда будет гроза, я буду приходить к тебе. Ты будешь готовить мне кашу, мы будем пить какао и слушать джаз.

Я не стала напоминать ему, что через несколько месяцев его здесь уже не будет.

– Никакого джаза.

– Посмотрим.

– Уходи из моей квартиры.

Он усмехается.

– Мне и здесь хорошо.

Мне тоже.

Настоящее

Отрываю голову от подушки. На автомате плетусь в душ. Он возвращает меня к жизни. Пока укладываю волосы в пучок и одеваюсь, думаю о вчерашнем разговоре с Тристаном.

И о Дане.

О них обоих.

Честно говоря, думать совсем не хочется.

Наношу легкий макияж.

Как не кручу в голове свое вчерашнее поведение, ясно одно – я становлюсь дерьмовой подругой. Чувствую себя ужасно, а значит, точно что-то сделала не так.

Ставлю телефон на зарядку в гостиной.

Нужно поговорить с Даной. Откровенно. Рассказать, все, что думаю. Мы всегда были честны друг с другом. Она поймет. В любом случае, мне не по душе собственная пассивная агрессия. Так не должно быть. Не хочу такой быть.

Завариваю себе кофе, попутно решая поехать к подруге, прежде чем отправиться в ресторан. Готовлю завтрак в виде французских тостов.

Бесчувственная сука.

Он был прав, но все равно обидно.

Я могу быть чересчур резкой иногда. Потому что чаще всего прямолинейна. Париж научил меня быть смелой. Открыто говорить о своих желаниях. Открыто высказывать недовольство. Людям это не нравится. Но по правде говоря, я живу эту жизнь для себя. Да, бывают дни, когда я сомневаюсь в себе, когда не уверена. Но я всегда выбираю себя.

Вчерашний вечер не входит из головы. Гроза притупила эмоции. Но сейчас я без страха заглядываю в те уголки себя, куда многие бояться заходить.

Почему я так себя чувствую?

Почему так отреагировала?

И что могу сделать, чтобы не испытывать это ноющее чувство в груди.

Ответ – поговори с Даной.

Вот так просто.

Говорить с Тристаном я пока не готова.

Тут все неоднозначно.

Сажусь за свой стол и приступаю к завтраку. Но в горло ничего не лезет. Аппетита совсем нет. Поэтому просто допиваю свой кофе, беру телефон и сумку. В момент, когда открываю дверь, приходит сообщение.

Майкл.

Я забыла, что у меня с ним сегодня свидание. Он вроде фотограф. Симпатичный. Определенно в моем вкусе. Может, получится хорошо провести время вечером и рассла-

биться. Забыть обо всем на какое-то время.

Он уточняет, все ли сегодня в силе.

Не знаю, почему, но на ум приходит Тристан. Точнее его чертово обещание. Он выбрал Дану. Из нас двоих ее. Сама мысль о том, что ему пришлось сделать выбор выводит меня из себя. Мы обе его подруги. И я не стану погружаться в то, кто больше в нем нуждался. Потому что это темный колодец. Я знаю. И более того, я сама себе лучший друг. Я ни в чем не буду его винить. Мы взрослые люди.

Не строй ожидания, Эмма.

Проблема в том, что я ждала. Как по привычке. Но это только моя проблема. Не его.

Делаю глубокий вдох и печатаю ответ.

Сегодня у меня будет свидание.

Выхожу из квартиры и замираю на площадке.

Дыхание перехватывает от неожиданности. Сердце вздрагивает. Я моргаю. Снова и снова. Но образ не распадается.

Тристан сидит на полу у моей квартиры, уткнувшись лицом в согнутые колени. Его плечи медленно поднимаются и опускаются. Он спит.

Он пришел.

Опускаюсь рядом с ним на корточки, все еще не до конца веря своим глазам. Кладу руку на его плечо, и он тут же шевелится. Медленно поднимает голову. Сонные глаза без труда находят мои. Ленивая улыбка тут же растягивается на его губах.

– Что ты тут делаешь? – шепчу, как будто застала его за чем-то непристойным.

Он хмурится, будто бы вспоминая.

– Вчера была гроза. – хрипотца в его голосе проникает глубоко под кожу.

Из всех сил подавляю улыбку.

– Да, но что ты делаешь *здесь*? – указываю на площадку.

– Я звонил в дверь, но ты не открывала. Решил, что ты либо злишься, либо уснула. А учитывая, что обычно ты плохо спишь в грозу, я выбрал первый вариант. И раз ты злишься, я был уверен, что на порог непустишь. – он выпрямляется, разминая шею, его взгляд теплеет. – Но я не мог оставить тебя одну.

На этих словах я сдаюсь. Моя улыбка растягивается на губах.

– Это самый идиотский, – качаю головой. – но одновременно и самый милый поступок в моей жизни.

Он ухмыляется.

– Знал, что ты оценишь.

Черт возьми, это нелегально быть таким привлекательным с утра пораньше.

Я выпрямляюсь и шире открываю дверь.

– Вставай. Французские тосты будешь?

Он поднимается на ноги и отряхивает джинсы.

– А в душпустишь?

– Черные полотенца чистые. – на этих словах я возвраща-

ясь в квартиру.

Тристан следует за мной и закрывает за нами дверь.

– Кофе? – бросаю ему через плечо.

– Определенно. – отвечает он на полпути в ванную. – И да, Эм, тосты буду.

Минуту раздумываю над тем, чтобы просто разогреть свою нетронутую тарелку. Но затем решаю приготовить еще одну порцию.

Он черт возьми, спал у меня под дверью. Вот же идиот.

В моей сумочке звонит телефон. Вытаскиваю его и возвращаюсь к плите, отвечая на звонок.

– Слушаю. – улыбка отказывается покидать мои губы.

– Как дела, любимая?

– Лучше всех, а у тебя?

– У меня было интересное утро. – отвечает Элиот. – Я узнал, что у тебя сегодня свидание. Да и с кем. С Майклом Лионом.

– Как, черт возьми, ты об этом узнал? – возмущаюсь я.

– Майкл рассказал, у нас с ним сейчас совместная съемка. Я напрягаюсь.

– Он там?

– Да, он здесь. Но не бойся, он меня не слышит.

– Зачем ты мне звонишь?

– Спросить. – слышу как он, кажется, закрывает дверь, на другом конце вдруг становится тихо. – Это свидание с надеждой на что-то серьезное или просто потрахаться?

Я вздыхаю.

– Еще не решила.

– Эм, если хочешь потрахаться, он то, что нужно. Но не связывайся с ним, если хочешь отношений, он идиот.

Я начинаю смеяться.

– Правда? Идиот?

– Полный.

У меня вдруг закрадываются подозрения.

– А член у него ничего?

– Да, член у него, что надо. – он вдруг резко осекается, и я смеюсь громче.

– Боже, Элиот, ты трахался с ним?

– Это была оргия, малышка.

– Ладно, тогда я тоже просто потрахуюсь с ним и все.

– Хорошо. Никаких ожиданий. – напоминает он.

– Расслабься. Я уже давно разочаровалась в мужчинах.

Так что не строю вообще никаких ожиданий.

– В Тристане тоже разочаровалась?

Этот вопрос вводит меня в ступор.

– А он тут причем?

– Он мужчина.

– Мы друзья.

– Хм.

– Элиот?..

– Дружба понятие относительное.

– Мы с тобой друзья.

– Во-первых, у нас был секс. Во-вторых, мы *решили* быть друзьями. Все зависит от того, воспринимаешь ли ты своего друга как мужчину.

– С чего вообще ты вдруг начал этот странный разговор?

– Ты воспринимаешь меня как мужчину?

– Да.

– Считаешь сексуальным?

Вспоминаю его оливковую кожу, широкие плечи, ухмылку и низкий голос.

– Да.

– Но мы не вместе. Потому что оба решили быть друзьями. Понимаешь?

Честно говоря, не очень. Я думала, он позвонил, чтобы отчитать меня за то, какой стервой я вчера была. До сих пор помню тот его странный взгляд.

– Хочешь сказать, что мы могли бы стать парой? – из меня невольно вырывается смешок. Зажимаю телефон между плечом и ухом, выкладывая тосты на тарелку.

– Не могли бы. Потому что ты хочешь семью, а я свободу. Но если бы я приложил усилия, мы могли бы полюбить друг друга.

– Я итак тебя люблю, засранец ты этакий. Прекращай грузить меня с утра пораньше. У меня уже голова болит от твоей философии.

На другом конце раздаётся хриплый смех. От чего на моих губах вновь появляется улыбка.

– Я тоже тебя люблю, Эм. Но этот разговор еще не окончен. – кажется кто-то зовет его. – Черт. Мне пора. Увидимся, малышка.

– Пока.

Сбрасываю вызов и беру тарелку. Но когда оборачиваюсь, едва ли удерживаю ее в руках.

– Ты до смерти меня напугал. – сердце падает куда-то в желудок.

Тристан сидит за столом, сложив руки на груди, и внимательно изучает меня.

– Как долго ты тут сидишь? – осторожно спрашиваю, поставив тарелку перед ним.

– Достаточно, чтобы узнать, что сегодня ты собираешься кого-то трахнуть.

От его будничного тона я начинаю смеяться. Ничего не ответив, наливаю ему кофе и размещаюсь напротив за столом.

Он принимается есть. Ну и я тоже. Проходит всего пара минут, как он неожиданно выдает:

– Кого? – вскидывает брови.

– Что? – замираю с вилкой у рта.

– Кто счастливчик? Кого сегодня будешь трахать?

Кладу вилку на тарелку с намеренно раздражающим звуком.

– Прекрати говорить слово «трахнуть».

– Почему? Я только повторяю твои слова.

– Прекрати повторять мои слова.

Тристан прищуривается и откидывается на спинку стула.

– У тебя свидание. – говорит он без эмоций в голосе.

– Ага. – возвращаюсь к еде.

– С кем?

– Какая разница? – хмурюсь я. – Раньше тебя это не интересовало.

– И сейчас не интересуется.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Просто поддерживаю разговор.

– Обсуждая мою личную жизнь?

– Мы друзья. Разве у нас есть запрещенные темы?

– Да. Моя личная жизнь.

Тристан пару секунд буравит меня взглядом, затем усме-
хается и снова начинает есть.

– Тосты очень вкусные. – замечает он, запивая все кофе. –
Люблю твои завтраки. Может попробуешь добавить брокко-
ли в следующий раз?

– А с чего ты взял, что следующий раз будет?

– Хочу приходить к тебе на завтраки. Я сам редко ем
утром. А потом весь день голодный. Ну, ты знаешь.

Да, знаю, но какое это имеет ко мне отношение?

– Ты не будешь приходить ко мне на завтраки, Тристан.

– Почему? – снова откидывается на спинку стула, лениво
попивая кофе.

Поразительно, как комфортно он ощущает себя в моем

личном пространстве.

– Потому что я так сказала. Да и к тому же, бывают дни, когда я завтракаю не одна.

Это не совсем правда. Я обычно выпроваживаю мужчин сразу утром. Особенно если это просто секс. Чаще всего так и есть.

Тристан внимательно изучает мое лицо. Я беру наши пустые тарелки и отправляю в посудомоечную машину.

– А с Элиотом ты даже чей-то член обсудила.

Хлопаю дверцей посудомойки.

– Да что с тобой сегодня? – резко выпрямляюсь и понимаю, что он стоит совсем рядом.

Делает еще шаг ко мне, заставляя отступить назад. Упираюсь задницей в кухонный стол, а он руками по обе стороны от моих бедер. Его глаза оказываются на уровне с моими.

– Прости, что называл тебя вчера сукой. – тон его голоса вдруг становится серьезным.

Резко втягиваю ртом его запах. Ладони непроизвольно сжимаются в кулаки.

– Ты ведь и правда так думал.

– Да, но я не должен был тебе этого говорить.

– Мы всегда были честны друг с другом, Тристан. И я правда повела себя как сука.

– Нет. – его пальцы обхватывают прядь моих волос у лица и нежно убирают за ухо. – Ты кто угодно, Эмма, но не сука. Ты чуткая, добрая и нежная.

Тепло зарождается где-то глубоко во всем теле. Увеличиваясь, становясь больше с каждым его словом. Я вдруг ослабляюсь, удивляясь тому, что вообще напряглась от его слов. Или присутствия. Или всего сразу.

Наши взгляды переплетаются. Он улыбается одним уголком губ.

– Почему никогда не говорила мне, что любишь меня?

– Что?

– Элиоту ты только что сказала. Но мне никогда.

В его голосе нет осуждения или обиды. Простое любопытство. Словно он пытается понять меня, найти ответ.

Но суть в том, что я и сама не знаю. Никогда раньше не думала об этом.

– Подслушивать чужие разговоры не совсем хорошо, согласен?

– Согласен.

Тристан выпрямляется, но не отходит.

Довольно странно ощущать его запах, смешанный с моим гелем для душа. Корица и запах лета. Необычное сочетание.

– Я не хочу возвращать Дану. – вдруг признается он, смотря мне прямо в глаза. – Никогда не хотел. Она не была моей, чтобы возвращать.

Я замираю, немного сбита с толку этим признанием. До этого момента мы ни разу не обсуждали их с Даной отношения.

– Но ты ведь был влюблен.

Его брови сходятся на переносице.

– С чего ты взяла?

Пожимаю плечами и складываю руки на груди.

Он опускается на край стола рядом со мной и упирается руками в столешницу так, что одна его рука задевает мое бедро. Но я не отстраняюсь. Я привыкла к таким его коротким прикосновениям.

– Ты знаешь Дану, она как ураган, засасывает всех вокруг себя.

Я улыбаюсь от такого сравнения. Он прав. Она такая. Яркая, громкая и всегда улыбается, всегда верит в хорошее. По крайней мере, была такой, до отъезда Рафаэля. Сейчас есть лишь какая-то часть ее. Будто другая половина уехала вместе с ним.

– Она была мне интересна. – тихо продолжает Тристан. – В какой-то степени я тогда видел в ней себя. Видел в ней потенциал, но огромную неуверенность в своих силах. Понимаешь?

Да, я помню, как он поручил ей заниматься продвижением ресторана. Она тогда чуть нервный срыв себе не заработала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.